

Июль. Солнце палит как огонь. Учащиеся больших и малых школ дождались долгожданных летних каникул.

Ван Яо, стремясь поступить в заветный художественный вуз, удвоил усилия в практике — он рисовал днями и ночами напролет, доходя до состояния одержимости. Видя, что дело принимает нехороший оборот, Линь Сань немедленно вмешался: он велел сыну остановиться и купил ему два билета на самолет, чтобы тот отправился в тур по крупным городам на художественные выставки. Разумеется, билета было два, потому что второй предназначался Цинь Чжи.

Хотя Линь Сань крайне не хотел создавать этому «щенку» лишних возможностей сблизиться с сыном, психическое состояние Ван Яо беспокоило его сильнее. Мальчик был слишком напряжен, ему требовалось вовремя расслабиться.

Проводив Ван Яо, дома остались только Линь Сань и Линь Кэинь. В этот день отец и дочь, выкроив свободную минутку среди дел, ели дыню. В буквальном смысле — ароматную мускусную дыню.

— Чтобы понять, сладкая дыня или нет, вкусная ли она, нужно посмотреть на её «попку». Если там есть след от плодоножки, если она выступает и чуть задрана — значит, точно сладкая. А если наоборот, плоская и твердая при нажатии — вкуса не жди, — Линь Сань, держа в огромной ладони нежно-зеленую дыню, без умолку хвастался познаниями, слегка сжимая фрукт. Раздался звонкий хруст — дыня лопнула.

Половину он протянул дочке, которая уже жаждалась угощения, а вторую половину в несколько укусов отправил себе в рот. В тот момент, когда отец и дочь, перемазанные сладким соком, наслаждались лакомством, внезапно раздался оглушительный, яростный и частый стук в дверь: БАМ-БАМ-БАМ!

Услышав этот звук, Линь Сань мгновенно нахмурился. Велев девушке оставаться в комнате, он нацепил тапочки и вышел. Стоило ему открыть дверь, как, прежде чем он успел разглядеть гостя, сверху обрушилась затрещина. К сожалению для нападавшего, нынешняя физическая форма и реакция Линь Саня не позволили удару достичь цели. Он слегка качнулся в сторону; противница, не сумев погасить инерцию, с грохотом рухнула на четвереньки прямо у порога.

Линь Сань окинул её взглядом, на его лице отразилось полное недоумение. Он произнес: — Как здесь оказалась ты?

Да! Незванным гостем была не кто иная, как лидер мирового рейтинга ненавистников Линь Саня — госпожа Го Пинпин.

— Мерзавец! Тебе мало было уничтожить меня, ты решил погубить моего сына?! Я убью тебя! Я тебя убью! — Женщина, словно безумная, с воплями пыталась кинуться на него, но Линь Сань вытянул руку и без малейшего труда удержал её на месте.

— С Синчэнем что-то случилось? — сурово спросил он.

— Его забрали в полицию! Он сядет в тюрьму! — Глаза Го Пинпин налились кровью, она смотрела на Линь Саня так, будто в каждом её волоске было высечено слово «ненависть». Она завывала:

— Верни мне сына! Отдай мне моего сына!

— Хватит! Говори нормально! — Внезапно рявкнул Линь Сань. Очевидно, его терпение по отношению к этой неадекватной женщине лопнуло.

— А теперь, слово за словом, рассказывай: что произошло?

То ли подавленная властным тоном Линь Саня, то ли просто выбившись из сил, Го Пинпин всё же сбивчиво изложила суть дела. Как выяснилось, истоки проблемы крылись в самом Линь Сане.

Как говорится, у стен есть уши. Хотя Линь Сань старался контролировать частоту встреч с Го Синчэнем, появление в комнате сына плакатов со звездами баскетбола и его регулярные поздние возвращения вызвали подозрения матери. Эти подозрения подтвердились, когда ложь Синчэня — он пытался скрыть тайную встречу с отцом — была разоблачена.

В тот момент Го Пинпин едва не сошла с ума от ярости, почувствовав небывалое предательство. Когда женщина впадает в истерику, разрушения могут быть страшнее ядерного взрыва; так между матерью и сыном вспыхнула небывало ожесточенная война.

— ...Я отругала его, и он убежал из дома... А потом, потом... — Го Пинпин стиснула зубы:

— Опять проявилась эта проклятая старая болезнь!!

Услышав это, Линь Сань всё понял без лишних слов. Спровоцированный Синчэнь снова отправился воровать, и на этот раз его поймали на месте преступления. Взгляд Линь Саня мгновенно стал тяжелым. Не говоря больше ни слова, он вернулся в дом, переобулся, велел дочери присматривать за домом и буквально «уволок» Го Пинпин за собой.

Всю дорогу женщина продолжала иступленно изрыгать проклятия. Она, казалось, была убеждена, что сын ворует исключительно из-за «дефектных генов» Линь Саня, и что внезапное появление отца окончательно сбило мальчика с пути. В её глазах Линь Сань был величайшим в мире мусором: стоит к нему прикоснуться, и вся жизнь пойдет под откос.

Восточный район Жунчэна, один из полицейских участков.

Когда Линь Сань и Го Пинпин прибыли на место, они увидели уже ждавшего там Чжэн Хуа. Встреча «бывшего» и «нынешнего» прошла на удивление вежливо.

Чжэн Хуа сообщил Линь Саню текущую ситуацию: поскольку Го Синчэню еще нет восемнадцати, он несовершеннолетний и к уголовной ответственности привлечен не будет. Однако на этот раз стоимость украденного была весьма высока, сумма значительна, к тому же Синчэнь наотрез отказывается признавать вину и раскаиваться. В худшем случае ему грозит административный арест в спецприемнике.

— Арест?! Это же всё равно что тюрьма! Это всё равно что объявить всем, что Го Синчэнь — вор! Как он после этого в школу пойдет, как в глаза учителям и одноклассникам смотреть будет? Как ему в обществе на ноги вставать?! — Го Пинпин снова сорвалась на визг, её глаза горели яростью.

В конце концов, Линь Сань обратился к товарищам из участка с просьбой: может ли он сначала повидаться с ребенком?

— Вы отец Го Синчэня? Тогда заходите один, — сказал полицейский.

— Мальчик ведет себя крайне эмоционально и проявляет сильное неприятие к матери. Он наотрез отказывается её видеть.

У стоявшей рядом Го Пинпин лицо мгновенно побагровело от ярости.

В представлении Линь Саня его второй сын всегда был очень приличным ребенком. Пусть внутри он и был законченным «цундэрэ», но снаружи всегда носил маску солнечного и открытого подростка. Однако сегодня эта маска исчезла.

Перед Линь Санем сидел обнаженный в своей боли, затравленный, полный ненависти и ошестившийся иголками мальчик. Он сидел, понутив голову, а на его запястьях тускло поблескивали наручники.

Линь Сань, не колеблясь ни секунды, подошел и крепко прижал голову ребенка к своей груди.

Тело Го Синчэня внезапно одеревенело, но в застывших глазах, подобно искре, промелькнул слабый огонек.

— Глупый малец! — Теплая тяжелая ладонь с силой взъерошила волосы подростка. Линь Сань негромко произнес:

— Теперь всё в порядке.

В итоге, благодаря тому, что отец взял на себя полное возмещение ущерба торговцам, а Го Синчэнь всё же смягчился и принес извинения, мальчика удалось освободить под залог. Поскольку он был несовершеннолетним, закон в первую очередь преследовал цели воспитательного характера. Однако, хотя он и вышел на свободу, старые проблемы никуда не делись. Увидев выходящего сына, Го Пинпин мгновенно вспыхнула от гнева. Она вскинула руку, собираясь по привычке преподать ему «урок», но...

Её запястье было перехвачено на полпути.

— Отпусти! Отпусти меня немедленно! — взвизгнула Го Пинпин.

— Я воспитываю своего сына, какое тебе до этого дело? Какое ты имеешь право мне мешать?

— Право? — Линь Сань холодно усмехнулся.

— У меня, может, и нет прав, но и ты не лучше. Го Пинпин, я спрашиваю тебя: всё это на его лице, шее и теле — это ты его так разукрасила?

Госпожа Го ответила с вызовом:

— Да! Это я его избила! Он посмел встречаться с тобой за моей спиной, и я буду бить его до смерти!

Раньше Линь Сань думал, что эта женщина просто фанатично упряма, но теперь он видел, что она окончательно превратилась в монстра.

— Можешь не волноваться, с сегодняшнего дня ему больше не придется встречаться со мной тайком! — ледяным тоном отрезал Линь Сань.

— Потому что он будет жить со мной открыто и законно.

Го Пинпин не поверила своим ушам:

— Ч-что ты сказал?!

— Я сказал, — повторил Линь Сань,

— что подаю на тебя в суд, чтобы отсудить право на опеку. Жди повестку!!!

Бросив эту жесткую и эффектную фразу, Линь Сань увел Го Синчэня за собой. За всё это время мальчик ни разу не взглянул на свою мать.

Папа привел домой второго брата! И брат весь в ранах! Линь Кэинь, хоть и была мала годами, обладала поразительной интуицией. Почувяв, что атмосфера накалена до предела, она тут же стала паинькой и шустро шмыгнула в свою комнату, затаившись там.

Линь Сань открыл ящик, достал лечебную мазь и жестом велел Го Синчэню раздеться. Он знал, что та женщина жестока, но не представлял, насколько: спина мальчика была покрыта багровыми и синюшными полосами от ударов бамбуковыми прутьями.

Глаза Линь Саня мгновенно покраснели от гнева. Лицо, шея, спина, руки и ноги... даже внутренняя сторона бедер... У этой женщины определенно проблемы с психикой!! Она что, решила забить ребенка до смерти?

Линь Сань глубоко вдохнул. В этот момент он окончательно и твердо решил бороться за право опеки.

— Лекарство я нанес, комнату тебе подготовил. Сейчас поешь лапши и ложись отдыхать.

Го Синчэнь вдруг поднял голову, посмотрел на отца и глухо произнес:

— Это уже второй раз, когда ты ловишь меня на воровстве, да?

Линь Сань промолчал.

— Не один и не два раза... Это было много, очень много раз, — Го Синчэнь горько и страшно усмехнулся, указывая на самого себя.

— Я вор. Ха-ха... Я просто вор...

— Это не так! — Линь Сань ответил ему предельно твердым и уверенным тоном.

— Ты не вор. Ты просто болен душой.

— А раз душа заболела — значит, будем лечить. Ты мужчина, и бояться здесь нечего!!!

<http://bllate.org/book/16514/1502546>